
ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947(470.51)«1918»

doi: 10.25730/VSU.2070.18.034

Антибольшевистское восстание рабочих в Ижевске 8 августа 1918 г.

В. А. Захаров

член Удмуртского регионального отделения Российского общества историков-архивистов.
Россия, г. Ижевск. E-mail: vasilyZx@yandex.ru

Аннотация. Данная статья является попыткой максимально подробно восстановить ход событий антисоветского восстания «Союза фронтовиков» в Ижевске 8–9 августа 1918 г., послужившего началом Ижевско-Воткинского мятежа. Несмотря на то, что данные события явились самым крупным вооруженным выступлением рабочих против советской власти, они до сих пор слабо изучены исторической наукой и содержат множество «белых пятен», что в свою очередь создает благоприятную почву для различных спекуляций на данной теме. Помимо реконструкции самих событий 8 августа 1918 г. в данной статье дается анализ причин поражения сторонников советской власти, исходя из соотношения сил и расположения сторон, а также самой возможности положительного для них исхода событий. Статья выполнена на основе архивных материалов ЦДНИ УР (воспоминания участников событий).

Ключевые слова: Ижевско-Воткинский мятеж, «Союз фронтовиков», 1918 г., антисоветское восстание, уральские рабочие, Прикамье, Восточный фронт, восстание рабочих.

Несмотря на то, что прошло уже сто лет с момента начала Ижевско-Воткинского мятежа, события тех дней до сих пор слабо изучены, что создает благоприятную почву для различных спекуляций вокруг тех событий, начавших активно развиваться в 90-е гг., после крушения СССР.

Если не считать ряда статей, то на данный момент историография восстания ограничена обобщающими работами ижевских историков П. Н. Дмитриева и К. И. Куликова (чья совместная монография до сих пор является единственной развернутой и наиболее полной историей восстания от его предпосылок до исхода остатков «ижевцев» и «воткинцев» за границу), небольшой работой историка Н. А. Зайца и работами Е. Г. Ренева, посвященными отдельным аспектам тех событий.

Само же Ижевско-Воткинское восстание, являясь не только одним из самых крупных выступлений городского населения против советской власти, но и самым крупным рабочим восстанием в период Гражданской войны, представляет собой целый комплекс не разрешенных историографией проблем. Решение их поможет не только лучше понять процессы Гражданской войны в России и их динамику, но и изучать гражданские конфликты в других странах и регионах.

Среди них можно выделить такие, как взаимодействие национального и социального факторов в гражданском противостоянии (факт того, что значительная масса повстанцев в сельской местности являлась удмуртами, до сих пор практически игнорируется в историографии); роль добровольческих формирований из числа местного населения; процессы трансформации взглядов и симпатий гражданского населения к различным сторонам конфликта; взаимодействие официальных властей и неформальных и полунформальных организаций и объединений населения.

Цель данной работы хотя и не носит такого глобального характера, тем не менее представляется необходимым этапом в понимании тех событий. Попытка максимально подробно описать ход событий 8–9 августа 1918 г. в Ижевске позволит дать ответ на ряд важных взаимо-

связанных вопросов: могли ли большевики подавить восстание в тот же самый день; насколько было недовольно население Ижевска текущей ситуацией в городе и советской властью и, соответственно, так ли велико было число активных сторонников мятежа. И в дальнейшей перспективе все это поможет понять, действительно ли Ижевско-Воткинское восстание было неизбежным и общенародным с точки зрения сложившихся в регионе обстоятельств.

Следует сразу оговориться, что, в отличие от восстания декабристов, воссоздать точную «почасовую» картину тех дней невозможно, так как источники позволяют установить лишь примерное время, когда происходили те или иные события. Сам временной отрезок 8–9 августа выбран потому, что без описания дальнейшей судьбы вырвавшихся из городов отрядов красных воссоздание самого мятежа не будет полным, а ликвидация отрядов Бабушкина и Пастухова ставит логическую точку в существовании большевистского совета и борьбы за контроль над городом в тот момент.

Данная работа базируется на воспоминаниях ижевских красноармейцев и милиционеров, принимавших участие в тех событиях. Благодаря воспоминаниям, хранящимся в фондах ЦДНИ УР, выходу в свет книги А. В. Коробейникова «Ижевско-Воткинское восстание: правда победителей», часть этих источников стала доступна широкому кругу исследователей и интересующихся.

Основная проблема имеющихся источников – это их односторонность. Они позволяют увидеть ход восстания только со стороны красных. О том же, что делалось в лагере мятежников, практически ничего не известно. К сожалению, в советское время никто не озаботился сбором воспоминаний самих участников мятежа. Однако не стоит перекладывать всю вину на специфику того времени и идеологические установки. Огромная часть вины лежит и на самих белых. Наверняка среди группы эмигрантов в Сан-Франциско были люди, знакомые с событиями того дня. Однако и там никто не попытался провести какую-либо исследовательскую работу или хотя бы собрать воспоминания эмигрантов. Все, что мы имеем, – это куцые, малоинформативные воспоминания полковника Федичкина, первого командующего Ижевской народной армией, такая же книга Ефимова (бывшего офицера Ижевской бригады, исследователя и мемуариста) и несколько коротких опусов за авторством Уповалова (меньшевика, участника Ижевско-Воткинского восстания), Наумова (участника Ижевско-Воткинского восстания) и Гутман-гана (участника восстания в г. Воткинске, издателя газеты «Воткинский вестник»). Публикации в белой печати Сибири и Урала также не содержат сколько-нибудь значимых подробностей, ограничиваясь лишь самым общим описанием произошедшего.

Поэтому невозможно ответить на ряд важных для понимания тех событий вопросов:

1. Что происходило в среде заговорщиков после ареста руководителей «Союза фронтовиков» Яковлева и Солдатова?

2. Как был собран митинг у угольных ворот утром 8 августа?

3. Что происходило в тот день на территории завода и в лагере самих заговорщиков?

4. Что делали меньшевики, как им удалось организовать переговоры о сдаче оружия?

5. Что происходило в Заречной части Ижевска?

6. Что происходило в стане заговорщиков, когда рабочие начали складывать оружие?

Эти вопросы отнюдь не праздные, так как помимо прочего ответ на них позволил бы однозначно ответить на вопрос, было ли возможно подавить восстание в тот же самый день.

Но перейдем к событиям того дня.

К 8 августа в распоряжении большевиков были следующие силы:

2. Рота красноармейцев в 100 человек. Это были местные жители, записавшиеся в добровольцы в ходе мобилизации, проводившейся 1 августа [3, с. 9]. Учитывая наличие заговора, Ревком решил оставить часть сил для охраны порядка.

3. 60 венгров-красноармейцев из бывших военнопленных, присланных накануне из Перми. Часть их несла охрану завода и в первые же минуты восстания оказалась разоружена [10, с. 106].

4. 100 пеших и 20 конных милиционеров [13, с. 53].

Всего 280 человек. За вычетом венгров – 220 человек. Схожую цифру, в 250 человек, приводит в своих воспоминаниях Попцов (ижевский большевик, участник подавления Ижевско-Воткинского мятежа в составе Вятской особой дивизии) [5, с. 3]. Историки Дмитриев и Куликов, на основании документов ЦГАСА, оценивают численность красных в 260–350 человек [14, с. 73]. Ефимов в своей книге почему-то приписывает сюда еще две артиллерийские батареи и продотряды, действовавшие в сельской местности. Непонятно, что же помешало

ему включить сюда еще и части 2-й армии, находившиеся в Сарапуле, и воткинских красногвардейцев?

Вдобавок к своей малочисленности защитники советской власти были еще и плохо обучены. По воспоминаниям красноармейца Популлова [5, с. 1], многие красноармейцы не умели обращаться с оружием, и к тому же на них давил моральный фактор. Осознание того, что одним рабочим приходится стрелять в других рабочих, действовало на них деморализующе.

Что касается численности самих восставших, то сказать что-либо определенное здесь трудно.

Дмитриев и Куликов, ссылаясь на разведсводки 3-й армии, указывают численность восставших в 6300 человек. Из них 300 офицеров, 3000 «фронтвиков» и 3000 рабочих. По другим данным, рабочих было 2000. Дмитриев и Куликов считают эту цифру более достоверной [14, с. 73]. Также они пишут о том, что 3000 рабочих не участвовали в самом бою, но «поддерживали лозунг Учредительного собрания» [14, с. 73]. Таким образом, мы имеем 9300 активных и пассивных сторонников свержения большевиков.

Что же, 6300 человек – это довольно внушительная цифра. Однако она вызывает некоторые сомнения. Сейчас ее уже невозможно документально подтвердить или опровергнуть. В то же время факт численного перевеса восставших не вызывает сомнений. На это косвенно указывают как сами белые, говоря о «всенародности» восстания, так и сам его ход событий. Но этот же «ход» заставляет усомниться в том, что все заявленные 6300 человек активно участвовали в восстании. Все-таки такой массы агрессивно настроенных и мотивированных людей вполне бы хватило, чтобы еще в начале восстания смять малочисленные кордоны милиции и красноармейцев. Тем более, что основные силы красных были собраны и введены в бой спустя примерно час.

Во-первых, надо было занять территорию завода и обеспечить ее охрану, так как там находилось несколько тысяч рабочих, которые не поддержали восставших и которых фронтвики не выпускали с территории завода, хотя к вечеру большая часть из них перелезла через забор и разошлись по домам. Затем надо было занять и обеспечить охрану вокзала и телефонной станции. Также нужно было обеспечить контроль Заречной части города. Тенсин (ижевский рабочий, очевидец событий) [7, с. 10] вспоминает, что к 15.00 территория между 7-й и 14-й улицами патрулировалась вооруженными рабочими, хотя патрулирование можно было поручить и «примкнувшим».

В полдень фронтвики начали переправляться через пруд в Колтому (ныне – район ИЭМЗ «Купол»), что также требовало людей, причем из числа активных сторонников мятежа.

Обратим внимание на другой важный момент. После того, как на переговорах с заводской делегацией было достигнуто соглашение о сдаче оружия и прекращении сопротивления, рабочие начали сносить и складывать винтовки возле угольных ворот. Вряд ли это были «воздержавшиеся» и «поддерживающие лозунг Учредительного собрания» рабочие. Сдавались те, кто примкнул к мятежу.

Если брать за отправную точку цифру в 6300 человек, представляется правомерным считать, что приняли активное участие в восстании и составили его ударную силу примерно 3000 человек, членов «Союза фронтвиков» и их сторонников. Напомним, что перед этим на митинг 7 августа фронтвиками было собрано около 1500 человек, что говорит о радикальности настроений среди данной части рабочих. Скорее всего, активных участников восстания насчитывалось примерно столько, так как даже 3000 человек было бы достаточно, чтобы разметать 200 деморализованных и недостаточно организованных бойцов. А вот среди 3000 «примкнувших рабочих» как раз и следует искать «поддерживающих лозунг Учредительного собрания» «попутчиков», которые, увидев, что весь мятеж внезапно забуксовал и восставшим не удастся прорваться к Михайловской площади, быстро поддались на уговоры меньшевиков и согласились сдать. На то, что эта группа восставших («попутчики») была довольно значительной по численности, косвенно указывает эпизод, описываемый Тенсиным со слов меньшевика Астраханцева [7, с. 23]. Когда рабочие начали складывать оружие, раздались выстрел, после чего кто-то кинулся к ним с криком: «Смотрите, что вы делаете, вы складываете оружие, а большевики нас убивают». Если бы это была какая-то незначительная группа, то ее бы просто разоружили свои и никакой необходимости в провокации не возникло. Похоже, что у руководителей мятежа не было уверенности в стойкости основной массы фронтвиков и они опасались, что это вызовет цепную реакцию и остальные участники мятежа начнут сдавать оружие и расходиться по домам.

Таким образом, правомерно считать, что активное и непосредственное участие в мятеже, то есть в бою с красноармейцами, принимала лишь часть от общего числа восставших. И если отталкиваться от цифры в 6300 человек, то «идейных» среди них было примерно 3000 человек, тех самых «фронтвиков», а остальные 3000 составляли своего рода массовку и в самом бою активного участия не принимали. Это отчасти подтверждается воспоминаниями Сошникова (одного из членов красноармейского отряда), который говорит, что в финальном штурме Михайловской площади участвовало 2500 человек [12, с. 21].

Теперь пара слов о составе восставших. Не все восставшие были рабочими, хотя, несомненно, что рабочие составляли среди них большинство. Ведь активное участие в мятеже приняли и представители других слоев населения – офицеры, гимназисты, служащие. Также неверно сложившееся в советской историографии разделение на собственно фронтвиков и рабочих, так как «фронтвики» (т. е. лица, призванные в армию в период Первой мировой войны) в массе своей были коренными ижевскими рабочими.

Теперь же обратимся непосредственно к самим событиям 8 августа 1918 г.

Утро 8 августа, казалось, не предвещало ничего необычного. Рабочие находились в цехах. Венгры привычно несли караул у проходных. Красноармейцы были заняты на занятиях во дворе Военного отдела. Большевики готовились к усилению охраны в городе. Однако эта обыденность была обманчива. Так, один из рабочих, Ф. М. Матвеев, вспоминает, что, придя на работу, он почувствовал какое-то напряжение, витавшее в воздухе. Рабочие собирались группами и беседовали [4, с. 2]. Внезапно утренний воздух прорезал рев заводского гудка. Это фронтвики собирали митинг у угольных ворот. К ним стали присоединяться остальные рабочие. Со слов Тензина, собрались 1000–1200 человек [7, с. 11].

Как пишет в своих воспоминаниях полковник Федичкин, гудок, послуживший сигналом к началу митинга, был дан самими фронтвиками [15, с. 471]. Естественно, туда тут же были высланы представители власти. К угольным воротам выехал заместитель начальника милиции Большаков с пятью милиционерами [8, с. 6].

Белые мемуаристы говорят, что они сходу начали разгон митинга. Однако сомнительно, что эти шестеро были настолько лихими ребятами, чтобы сходу начать разгонять тысячную толпу, махая нагайками и стреляя в людей. Ругань и угрозы, возможно, имели место, но стрельба... Ижевские большевики вообще были людьми демократичными и не склонными к пролитию крови.

Сам Большаков описывает это так: «По прибытии на собрание я объяснил присутствующим о преступной провокации, распространяемой контрреволюционерами с целью внести смуту среди рабочих, предложив избрать комиссию, которая бы выяснила в Ревкоме и лично убедилась бы в неверности слухов. Рабочие с таким предложением вполне согласились и хотели приступить к избранию делегации, как вдруг кто-то из толпы сообщил, что в здании Совета выставлены пулеметы и хотят всех нас здесь расстрелять. И действительно, где-то не далеко от собрания раздались два или три провокационных выстрела, которые сначала навели небольшую панику, а потом усилили волнение и недовольство рабочих по адресу Ревкома. Когда я постарался успокоить, указывая на провокационные выходки контрреволюционеров, слышались крики, что вы, мол, с целью приехали, чтобы задержать нас своими баснями и накрыть врасплох. Волнения среди рабочих усиливались, провокационные крики все больше и больше повторялись. Наконец слышались открытые угрозы. Угрозы по моему адресу и приехавших со мной товарищей со стороны тех, кто сознательно задумал спровоцировать рабочих на восстание. В такой обстановке чрезвычайно трудно было говорить, и я ограничился первым предложением об избрании комиссии. Чтобы помешать выборам делегации, специально подготовленная толпа из солдат-фронтвиков решила приступить от слов к действию и стала окружать нас в пленное кольцо для учинения расправы. Двоих приехавших со мной милиционеров эта толпа успела стащить с лошадей и избить их до полусмерти, а все остальные товарищи возвратились в Ревком благополучно» [8, с. 6–7]. Это единственное сколько-нибудь подробное описание того злосчастного митинга, к тому же данное одним из непосредственных участников.

Тем не менее общая канва совпадает у всех, кто касается этой темы: митинг у угольных ворот, нападение на милиционеров, выстрелы, рабочие взбудоражены, начинается разоружение охраны и захват заводских корпусов.

Новость о произошедшем на плотине моментально облетела завод. Пара выстрелов в воздух была раздута до «расстрела безоружных рабочих». Этого было достаточно для того,

чтобы подтолкнуть часть рабочих примкнуть к восстанию. Сложившаяся в городе напряженная обстановка действовала на руку восставшим.

Заговорщики действовали быстро. Немногочисленная охрана завода была быстро разоружена. На всех проходных и у ворот были выставлены свои люди. С территории завода никого не выпускали. В поверочной мастерской в руки восставших попало 1200–1500 винтовок [14, с. 73]. Была занята и телефонная станция. У угольных ворот и у Долгого моста начали организовываться отряды восставших.

Однако большевистское руководство тоже не сидело сложа руки. Узнав о случившемся на митинге, Ревком незамедлительно начал действовать. К Долгому мосту и плотине были высланы отряды милиционеров. Лихвинцев (секретарь исполкома Совета и военный комиссар города Ижевска) и Папирмейстер отправились в Военный отдел, где проходили занятия красноармейцев. Предложив тем, кто еще не получил оружия, разойтись по домам до особого распоряжения, Лихвинцев разделил оставшихся на три отряда. Первый под командой Смирнова был направлен к Долгому мосту и занял позиции по берегу р. Иж. Второй отряд под командой Журавлева занял Михайловскую площадь и территорию, прилегающую к заводоуправлению (набережная ижевского пруда возле плотины, само здание в настоящий момент снесено), там же находились и милиционеры. Третий отряд под командой Тетерина оставался в Военном отделе в качестве резерва. В здании Совета были установлены два пулемета. Один со стороны плотины, другой – со стороны Долгого моста. Еще один пулемет разместили на площади возле собора. В это время, захватив в поверочной мастерской оружие, фронтовики по плотине атаковали позиции милиционеров возле заводоуправления, но Пастухов (председатель Ижевского исполкома) из здания Совета открыл огонь из пулемета в воздух, и нападавшие бросились назад. Согласно воспоминаниям милиционера Сафронова, вначале у милиции был приказ стрелять в воздух [6, с. 11].

В это же время у Долгого моста фронтовики завязали перестрелку с милиционерами. С территории завода восставшие обстреливали само здание Совета.

Стрельба становилась все сильнее. Отряд восставших прорвался через Долгий мост, сбил милицкий заслон, но возле здания Женской гимназии попал под пулеметный огонь, был контратакован подоспевшим отрядом Смирнова и был вынужден вернуться на прежние позиции.

То, что фронтовики не смогли сразу же прорваться в Нагорную часть, было большой удачей для большевиков. Нагорная и Заречная части Ижевска разделены прудом и р. Иж. Пересечь их можно было по плотине, Долгому и Железнодорожному мостам либо вплавь, что создавало большие удобства для обороны, особенно учитывая малочисленность красных. Кроме того, Нагорная часть находилась значительно выше завода и самой Зареки. Позиция в здании Совета позволяла держать под огнем плотину, Долгий мост, пруд и даже территорию завода. Однако эта, казалось бы, прекрасная оборонительная позиция оказалась одним из факторов гибели Ревкома. Силы красных были слишком малочисленны, чтобы долго удерживать даже такое ограниченное число переправ. К тому же они оказались моментально отрезаны от линий связи (фронтовики не отключили телефонную связь, но спокойно прослушивали переговоры красных) и железной дороги, так как вокзал и телефонная станция располагались в Зареке. И самое главное, в Нагорной части проживала наиболее зажиточная и, следовательно, враждебно настроенная к Советам часть жителей, что вскоре сыграет свою роковую роль. Рабочие же в основном проживали в Заречной части, и Ревком оказался моментально отрезан от той части жителей, которая могла бы оказать ему поддержку в борьбе.

В то же время и у восставших имелись свои трудности. Это и нехватка патронов на начальном этапе восстания, и наличие огромной массы отказавшихся их поддержать рабочих, которые могли оказаться бомбой замедленного действия, чей взрыв быстро бы склонил чашу весов в пользу Совета. И если первая проблема была решена посылкой отряда в Гольяны, где было захвачено 240 000 винтовочных патронов [15, с. 94], то вторая дала о себе знать буквально через пару часов.

Около часу дня перестрелка стихла и отряд, залегавший у плотины за стеной заводоуправления, заметил парламентаров [2, с. 13]. Их провели в здание Совета. Большаков пишет, что идея переговоров принадлежала Ревкому. С его слов, он был отправлен к заводу с задачей указать восставшим на возможные последствия их действий и предложить им сдать оружие. Но у центральных ворот он натолкнулся на цепь фронтовиков. Все же Большаков смог договорится с повстанцами, что «Союз фронтовиков» пришлет в здание Совета делегацию для переговоров [8, с. 7]. Однако данный эпизод более никем не упоминается.

Будаков, находившийся в это время в здании Совета в качестве пулеметчика, вспоминает, что это была делегация из трех человек во главе с меньшевиком Попцовым [1, с. 27].

Пока парламентарии восставших находились в здании Совета, фронтовики в лодках стали переправляться в Колтому. Кто-то дал команду открыть огонь. Заработал пулемет. Но тут же с наганом в руке подбежал Матвеев, крича: «Что вы делаете? Ревком ведет переговоры, а вы стреляете». По словам Будакова, большевики потребовали, чтобы рабочие сложили оружие. Делегация отправилась на завод передать эти требования, после чего по телефону сообщили, что рабочие согласны. Однако в это время восставшие попытались перейти Долгий мост и перестрелка вдоль Ижа возобновилась вновь. Ревком, видя, что положение ухудшается, в свою очередь связался со штабом 2-й армии в Сарапуле и, сообщив о происходящем, запросил помощь. В штабе пообещали к утру прислать отряд.

К этому времени восставшие уже контролировали всю Заречную часть города, включая вокзал.

Однако большевики не собирались ограничиваться обороной и попытались перехватить инициативу. По воспоминаниям красноармейца Попцова [5, с. 2], отряд Тетерина около 3 часов дня выступил по Церковной улице в сторону р. Иж с задачей переправиться и атаковать фронтовиков. План строился на предположении, что у тех мало патронов и поэтому несколькими десятками красноармейцев удастся легко перейти реку и отогнать восставших. Однако эти расчеты не оправдались. Попав под ружейный огонь превосходящих сил противника, красноармейцы вернулись на свой берег и залегли. Тетерин запросил из Военного отдела пулемет, рассчитывая пулеметным огнем ослабить сопротивление обороняющихся и перейти реку. Однако доставленный пулемет оказался неисправен.

Надо сказать, что у этого пулемета выдался богатый на события день. Он несколько раз упоминается в воспоминаниях различных участников событий. Сперва, около часу дня, его повезли на подводе к Долгому мосту, но испугавшиеся выстрелов лошади опрокинули подводу, и при падении у пулемета в стволе заклинило патрон. Затем его привезли в здание милиции с целью установить на крыше. Однако, когда пулемет попытались привести в порядок и извлечь перекосивший патрон из ствола, произошел произвольный выстрел, которым был ранен проходивший мимо двери Будаков [6, с. 11]. Затем пулемет отвезли в Военный отдел, а оттуда он уже попал к бойцам Тетерина.

Около трех часов бой в центре вновь стих. На плотине снова появились парламентарии восставших. Эти переговоры упоминаются Матвеевым, Бутиным и Тенсиным, который передает рассказ меньшевика Астраханцева.

Часть меньшевиков, выступавшая против восстания, попыталась примирить обе стороны и решить дело миром. В принципе шансы на это у них были. Основная масса рабочих, как уже говорилось, была заперта фронтовиками на территории завода и участвовать ни в чем не собиралась. Было их значительно больше восставших, и они, несмотря на отсутствие оружия, представляли значительную силу, которая вполне могла при определенных условиях устроить фронтовикам «неприятный сюрприз».

Данные переговоры можно считать доказательством того, что фронтовики слабо контролировали положение дел на территории завода. Кроме того, сам факт, что прошло уже по меньшей мере пять часов, а никаких подвижек не произошло и стороны находились на тех же позициях, что и в начале восстания, играл на руку большевикам и сторонникам мирного разрешения конфликта. Возможно, что и часть рабочих, примкнувших к восстанию, начала испытывать сомнения в удачном исходе всей затеи и заколебалась.

Новая делегация состояла из уже участвовавшего в переговорах меньшевика Попцова и эсера Юминова [14, с. 74]. Со стороны Ревкома переговоры вел Холмогоров (заместитель председателя исполкома Ижевского Совета, начальник Военно-революционного штаба Ижевска). Эти переговоры оказались более успешными. Сторонам удалось договориться о прекращении огня на следующих условиях:

1. Восставшие немедленно сдают все захваченное оружие, которое должно быть снесено к Угольным воротам.
2. Фронтовики, подпадающие под призыв возрастов, немедленно отправляются на фронт под Казань.
3. Ревком считает восстание досадным инцидентом и обязуется не наказывать никого из участников.

После этого Холмогоров проводил парламентариев до памятника Дерябину, откуда те направились к Угольным воротам для передачи рабочим условий сдачи. Холмогоров же

направился в кабинет Пастухова. Особого чуда от этих переговоров большевики не ждали. И у них на то были веские причины. Это и численный перевес восставших, и тот факт, что во время обоих переговоров восставшие открыто продолжали переправу на другой берег пруда [2, с. 14], и срыв первых переговоров. Да и тот факт, что обе делегации представляла не руководителей мятежа, а, по сути, третью сторону, пытавшуюся уладить дело миром, также не прибавлял Ревкому уверенности.

Большевики собирают совещание, на котором решают вывезти ценности из казначейства в Военный отдел и быть готовыми оставить город. Пастухов, Матвеев и Ольшанский направились в казначейство.

В это время делегаты меньшевиков вернулись на завод и передали рабочим условия сдачи. Возражающих не нашлось, и повстанцы (по крайней мере находившиеся у плотины, со стороны пруда) начали собирать оружие в указанное место. Однако подобный поворот дел не входил в планы эсеров. Как приводит слова Астраханцева Тенсин, когда рабочие стали сносить оружие к воротам, с башни завода раздался выстрел и кто-то подбежал к ним с криком: «Смотрите, что вы делаете, вы складываете оружие, а большевики нас убивают» [7, с. 23]. Пастухов в это время заканчивал погрузку ценностей. В. Матвеев тоже упоминает, что, когда выносил последний мешок с николаевками из подвала казначейства, раздался выстрел со стороны башни завода [11, с. 13]. Мирный исход опять был сорван. Возле пруда снова затрещали выстрелы. На этот раз чаша весов стала склоняться в пользу восставших. В тыл к красным пробрались группы фронтовиков, переправившихся через Колтому. Фронтовики начали переправу через Иж, в обход отряда Тетерина, и одновременно начали атаковать отряд Смирнова у Долгого моста. По красноармейцам начали стрелять из окон домов. Одним из таких выстрелов был убит Смирнов. Тетерин же сбежал, бросив своих людей. Оставшиеся без командиров и обстреливаемые со всех сторон красноармейцы запаниковали и начали разбегаться, наиболее стойкие начали отход к Михайловской площади. Узнав о прорыве позиций 1-й роты у Долгого моста и у Ижа и поняв, что фронтовики просочились в тыл, Ревком решает оставить позиции у полтины и здания Совета и стянуть оставшиеся силы к Михайловскому собору. Отряд, занимающий Михайловскую площадь, получает приказ направить часть сил вдоль 7-й улицы для прикрытия эвакуации Совета и казначейства. В это время ранение получает политком Жечев, спешивший с этим приказом к командиру второй роты.

После эвакуации Совета бойцы стягиваются на новые позиции на Михайловской площади. Отходившим к площади от Долгого моста остаткам 1-й роты приходилось нелегко. Как вспоминает красноармеец Хмурович, на перекрестках их поджидали группы фронтовиков по 5–6 человек [10, с. 110], которые обстреливали отступающих. В этих условиях отход красных мог закончиться их полным разгромом. Однако фронтовики не сильно утруждали себя преследованием потрепанного и деморализованного противника. По словам Сафронова [6, с. 10], они занялись разгромом здания Совета, благодаря чему оставшимся силам красных удалось собраться у собора и занять новые оборонительные позиции. Произошло это между 17 и 18 часами вечера. Штаб красных переместился в здание Военного отдела. Там же находились отряд венгров и четыре телеги с деньгами, пулеметами и другим имуществом. Еще один небольшой отряд охранял пороховой погреб. Из Военного отдела Папирмейстер вновь связался с Сарапулом и, сообщив о критическом положении, потребовал прислать помощь. В третий раз все стихло. Фронтовики стали готовиться к решающей атаке.

Среди и так малочисленных красноармейцев началось дезертирство. Сафронов пишет, что после отхода к собору бойцы под разными предлогами стали расходиться по домам. Основным предлогом, с его слов, было то, что наступает вечер, холодает и надо одеться потеплее [6, с. 11].

В 10 вечера фронтовики пошли на решающий штурм. По словам Сошникова, в нем участвовало 2500 человек [12, с. 21]. На площади началась стрельба. В. Михайлов отправился выяснить, что происходит. Завязался бой, но оставшиеся красноармейцы, почти не оказывая сопротивления, разбежались. В это время в бою у водонапорной погиб Холмогоров. Пастухов решил не дожидаться новостей и с отрядом и ценностями покинуть город. Обоз покинул двор Военного отдела и, беспрестанно обстреливаемый на улицах, тем не менее смог выбраться из города и направиться в сторону Воткинска. Еще четыре человека вместе с редактором «Ижевской правды» Михайловым на одной телеге с пулеметом [10, с. 110] направились по Якшур-Бодьинскому тракту к станции Чепца. Матвеев смог добраться до г. Вятки (ныне – Киров) и сообщить губернским властям о случившемся.

Итак, цепь у собора рассеяна атакующими. Восставшие ворвались в покинутое здание Военного отдела и освободили арестованных лидеров «Союза фронтовиков». Со слов Хмуровича, многие члены партии требовали расстрелять их. В частности, Бабушкин настаивал на этом за несколько часов до ухода из Ижевска. Однако руководители Совета отказались от этого предложения.

Бабушкину, Михайлову, Осинцеву, Булдакову, Сошникову и группе красноармейцев, всего 20 человек [12, с. 25], удалось покинуть площадь и пробраться к пороховому погребу. О том, что происходило далее (включая и отступление данного отряда под началом председателя Ижевской ЧК Бабушкина), известно по воспоминаниям Сошникова.

Соединившись с охранявшим пороховой погреб отрядом Циганчука, Бабушкин берет командование на себя, после чего решает с отрядом, в котором теперь было 35 человек [12, с. 27], покинуть город. Но между большевиками произошел спор. Бабушкин торопил всех с отходом и хотел просто оставить погреб со всем имуществом. Другие возражали и требовали при отходе взорвать его. В целом ситуация проста. Бабушкин запаниковал, опасаясь что вот-вот сюда нагрянут фронтовики и тогда уйти вообще не удастся. Другие же не хотели оставлять в руках противника солидный запас боеприпасов. Со слов Сошникова, несмотря на отсутствие ключей от дверей хранилища, он предлагал взорвать погреб с помощью бикфордова шнура. (Хотя не понятно, как он собирался это сделать. Допустим, можно как-то просунуть шнур под дверь. Но, во-первых, где гарантия, что шнур уперся бы в ящики со взрывчаткой или бикфордовым шнуром, а не остался просто лежать посреди пола. Во-вторых, боеприпасы от пары искр не взрываются. Конечно, в погребе хранился порох, который легко детонирует от простой искры, но и порох не хранился открыто, да и как Сошников собирался через закрытую дверь подвести шнур именно к тому месту, где этот порох лежал?) Так или иначе, Бабушкин отказался от этой идеи, даже после того, как ему разъяснили принцип действия (в воспоминаниях Сошников не поясняет, в чем же этот принцип заключался). Остальные, посоветовавшись между собой, подчинились решению Бабушкина, возложив на него всю ответственность.

Рассиживаться дальше было нельзя, надо было уходить. Восставшие, зачистив Михайловскую площадь, готовились к штурму погреба. Красноармейцы успели покинуть его около полуночи, перед самым началом штурма. Как вспоминает Сошников, когда, уходя, они поднялись на окружавший погреб вал, он увидел в ночном небе две ракеты, с севера и юго-востока. Это был сигнал фронтовиков о начале штурма. Красные бегом бросились в сторону деревни Карлутка. Ижевск оказался полностью в руках восставших.

Уцелевшие большевики и красноармейцы вышли из города тремя группами – отряды Пастухова и Бабушкина и группа в четыре человека во главе с Матвеевым.

Самым многочисленным был отряд Пастухова. По данным Хмуровича, в нем было 87 человек, из них 60 – венгры. В числе прочих находились лидеры Ижевского Совета Михаил Пастухов, Рогалев, Фокин, Козлов, Какоулин. Все были вооружены винтовками. Кроме того, имелось 5 пулеметов. На двух телегах везли деньги из казначейства, патроны и другое имущество [10, с. 111–112]. Решено было двигаться к Воткинску. На рассвете возле деревни Пазелы Пастухов устроил привал и выслал к Ижевску трех конных разведчиков. Но они натолкнулись на повстанцев, и один разведчик попал в плен, после чего отряд двинулся дальше, в сторону Воткинской железной дороги.

Выйдя к железнодорожному полотну, красноармейцы увидели движущийся к Ижевску со стороны Воткинска состав. Это были спешившие на помощь Ижевску воткинские красногвардейцы.

Узнав о восстании, воткинцы незамедлительно выслали в сторону Ижевска отряд в 300 человек [9, с. 31], который занял село Июльское.

Этот состав и увидели бойцы Пастухова. Но красным в эти дни не везло. Посланный Пастуховым в Июльское разведчик, сохранилось даже его имя – Михаил Евстафьев [3, с. 9], вернувшись, сообщил, что село и станция заняты воткинскими фронтовиками. Похоже, что в рядах самих красноармейцев находились предатели.

Если бы командиры решили все же проверить его сообщение, они бы узнали, что село занято своими же. Но вместо этого, как пишет Хмурович, посоветовавшись, Рогалев, Фокин, Козлов, М. Пастухов и Какоулин решили закопать ценности и распустить отряд. Членам отряда выдали по 500 рублей и предложили идти, куда им хочется. После этого, как пишет тот же Хмурович, группа большевиков, включая Рогалева, Фокина, Сизова, Ильина, Лаврентьева, Михаила Пастухова, Какоулина и Никитина, направилась в неизвестном направлении, забрав с собой обе телеги с ценностями [10, с. 112]. Возможно, посчитав, что Воткинск тоже занят бе-

лыми, большевики решили, что дальше таким крупным отрядом перемещаться небезопасно. Он мог быть легко обнаружен и уничтожен повстанцами. Поодиночке же легче будет пробраться к своим или где-то затаиться. Однако их расчеты не оправдались. Не все бойцы смогли пробраться к своим. Часть их вернулись в Ижевск, где они были арестованы. Рогалев, Фокин и Пастухов, закопав деньги, также двинулись в сторону Ижевска. Зачем? Этого мы уже никогда не узнаем. Недалеко от Воложки они натолкнулись на группу вооруженных повстанцев. Приняв их за своих, Рогалев вышел к ним навстречу и был схвачен. Затем был убит Фокин. Пастухов смог бежать, но и он впоследствии был схвачен, доставлен в Ижевск и после нескольких дней допросов и пыток казнен. Другим повезло больше. Тот же Хмурович ушел на север и на станции Чепца встретил группу Матвеева, вместе с которой и добрался до г. Вятки.

Не менее трагично сложилась судьба отряда Бабушкина. Покинув пороховой погреб, отряд через лес двинулся в сторону деревни Карлутка. Дошли до опушки Карлутского леса и выяснили, что деревня занята фронтовиками. После небольшого привала пошли к деревне Ярушки. Здесь произошел курьезный случай. Как вспоминает Сошников, отойдя немного от места стоянки, заметили, что Бабушкина нет. Бойцы решили, что он сбежал. Было решено вернуться и проверить стоянку. Оказалось что Бабушкин мирно спит под деревом и даже не подозревает, что все ушли. У входа в Ярушки красноармейцев встретила толпа вооруженных вилами и кольями крестьян. Оказалось, крестьяне были встревожены происходящим в Ижевске и готовились встретить отряд белых. Прояснив недоразумение, Бабушкин попросил подводы. Крестьяне согласились. Доехав на подводах до села Завьялово, красноармейцы не решились сразу входить в село, а выслали разведку. Восставших в селе не оказалось, но местное население также было встревожено слухами о восстании против советской власти (Ярушки и Завьялово были удмуртскими поселками). Здесь Бабушкин решил связаться по телефону с железнодорожниками в селе Гольяны и потребовать паровоз для переезда с отрядом на Каму. По словам Сошникова, телефон был переключен на связь с Ижевском, Бабушкин же этого не заметил и думал, что общается с гольянскими железнодорожниками [12, с. 29]. Однако кое-кому показалось странным поведение присутствовавшего при разговоре начальника станции, и в головы некоторых закралось сомнение, а с Гольянами ли разговаривал Бабушкин? Но, прождав несколько часов и так и не дождавшись обещанного состава, отряд двинулся пешком вдоль железной дороги дальше. Возле станции Барашки сделали привал. Часть людей ушла в деревню за продуктами, часть расположилась в поле недалеко от путей. В это время со стороны Ижевска подошел паровоз с пятью вагонами. Это были фронтовики. Отряд Бабушкина был окружен. Завязался бой. Как вспоминает Сошников, красноармейцы метались в окружении не в силах вырваться. Метался и Бабушкин, который своими метаниями и угрозами только усиливал общий хаос. В итоге ему с одним отделением все же удалось вырваться из окружения и пробраться в Сарапул. Остатки отряда были взяты в плен.

Но это лишь отсрочило его гибель. Беспокойная чекистская натура, вкупе с обстоятельствами, потянула Бабушкина обратно в Ижевск. Где-то 10 или 12 августа он выехал из Сарапула по железной дороге через Агрыз, в составе отряда Бычкова, численностью в 219 человек пехоты [12, с. 41]. Узнав, что со стороны Агрыза движется отряд красных, ижевцы разобрали железнодорожный путь и устроили засаду в 6 километрах южнее города. По словам Ефимова, в этой операции участвовало 300 повстанцев [13, с. 55]. Отряд почти в полном составе попал в плен.

Бабушкин был доставлен в Ижевск и расстрелян вместе несколькими другими большевиками, о чем было объявлено Солдатовым на митинге 13 августа. Единственным спасшимся оказался местный большевик Циганчук, который выдал себя за чеха, смог вернуться в Агрыз, где примкнул к 4-му продполку Иванова и затем участвовал в боях в составе отряда Чеверева.

Самая малочисленная группа ижевских большевиков под руководством Матвеева, как уже говорилось, оказалась самой удачливой. Добравшись через село Игра до станции Чепца, Матвеев прибыл поездом в Вятку.

На этом злоключения защитников Ижевска заканчиваются. Большинство из них погибли или попали в ижевские тюрьмы. Лишь немногие смогли скрыться и продолжить борьбу.

Но, что же в это время делал штаб 2-й армии? Ведь там обещали прислать помощь.

Утром 9 августа из Сарапула по железной дороге, через Агрыз, к Ижевску выехал отряд, насчитывавший 250 человек [5, с. 3]. Федичкин пишет, что в отряде было 360 человек [15, с. 473]. Попцов в этот день уже был арестован, однако он мог узнать подробности от пленных бойцов этого отряда.

До Ижевска красноармейцы не добрались. Утром с линии Казанской железной дороги восставшим сообщили, что в сторону Ижевска движется отряд красных. Как пишет Федичкин,

он, собрав 300 фронтовиков, выступил навстречу [15, с. 473]. В 5 верстах под Ижевском красноармейцы попали в засаду и были в полном составе взяты в плен.

Так заканчивается начальный этап Ижевско-Воткинского восстания. Советская власть в Ижевске была ликвидирована. Погибли многие функционеры и сторонники большевиков, а сам город на три месяца оказался под властью эсеров.

Какие же факторы привели к падению Совета и был ли у Совета шанс справиться с мятежниками? Факторы давно известны:

1. Малочисленность защитников советской власти.
2. Плохая подготовка личного состава.
3. Отсутствие своевременной помощи от 2-й армии и воткинского Совета.
4. Невыгодное (с «политической» точки зрения) расположение красных отрядов. Основные советские учреждения и силы красных располагались в Нагорной части города, где проживали более зажиточные жители Ижевска, которые, естественно, были настроены враждебно к советской власти. Отсюда и пресловутая стрельба из окон по красноармейцам. Кроме того, Ревком оказался отрезан от железной дороги, линий связи и, самое важное, рабочих, которые могли его поддержать.

5. Личный фактор. Ижевские большевики оказались недальновидными руководителями и очень наивными людьми. Иначе трудно объяснить два момента. Первый – почему заранее не были приняты жесткие меры против заговорщиков, тем более что Совет и ЧК знали о готовящемся выступлении, а арестованных накануне мятежа в большинстве своем отпустили. Второй – почему потом некоторые большевики, с таким трудом покинув город, на следующий же день вернулись назад, прямоком в руки повстанцев. В то же время руководители мятежа оказались более последовательны и расторопны в своих действиях.

Пункты 1, 2 и 4 не позволили большевикам реализовать плюсы их оборонительной позиции. Если абстрагироваться от политического фактора, то Нагорная часть имела ряд тактических преимуществ – это высота относительно Заречной части и территории завода, наличие двух водных преград, затрудняющих действия атакующих, – пруд и р. Иж. Имея преимущество в высоте и используя Иж как естественную водную преграду, можно было бы довольно успешно обороняться, держа Долгий мост, плотину, берег Ижа и пруд под пулеметным огнем, да и территория завода довольно неплохо простреливалась из здания Совета.

Что касается второго вопроса, то тут есть два «если», столь нелюбимых профессиональными историками. Первое «если» – это своевременное прибытие подкреплений. Учитывая не очень высокий боевой дух половины восставших, лишние 200 штыков, при решительных действиях, вполне могли в корне изменить положение дел и обеспечить победу Совета. Но, как уже отмечалось, помощь из Сарапула выехала только утром 9 августа, так что на что-либо повлиять данный отряд уже не мог. Продотряды, действовавшие в данном районе и насчитывавшие 3–4 тысячи человек, никак не могли помочь Ижевску в тот день, так как были разбросаны по огромной территории от Воткинска до Вавожа и не существовало никакой какой физической возможности даже просто оповестить их.

Второе «если» – это удачный исход переговоров с делегацией меньшевиков. Сейчас уже нельзя сказать, могли ли большевики как-то купировать провокации фронтовиков и как бы повлиял факт сдачи половины восставших на оставшихся «активистов». Однако логично предположить, что если бы сдача оружия прошла успешно, то это поставило бы точку на всем мятеже.

Суммируя все вышесказанное, можно дать твердый ответ – нет. У большевистского руководства Ижевска не было шансов ни подавить восстание в тот же самый день, ни решить дело миром, так как все факторы работали против них. В перспективе в течение августа 2-я армия имела вполне реальные шансы раздавить мятеж, стянув для этого более крупные силы, что и было сделано. Однако просчеты командования при планировании данной операции и несогласованность действий начальников отрядов не позволили этого сделать.

В то же время ход восстания 8 августа 1918 г. показывает, что повстанцы не имели широкой поддержки среди жителей Ижевска, особенно среди рабочих. На это указывают как факты переговоров между Советом и рабочими о сдаче оружия, так и сами события. Как уже отмечалось, в случае действительно массового выступления рабочих малочисленные силы большевиков были бы сметены уже к полудню. Однако восставшим пришлось прилагать значительные усилия, для того чтобы не только одержать верх в военном противостоянии, но и удержать под контролем большую часть примкнувших к ним рабочих. Все указывает на то, что правомерной стоит считать цифру в две тысячи сколько-нибудь активных повстанцев

[14, с. 73], т. е. примерно одна десятая часть всех рабочих в городе. Это полностью опровергает утверждения белоэмигрантской историографии о всенародном характере мятежа и говорит о том, что, несмотря на довольно высокий уровень недовольства, население в целом было настроено на компромисс с большевиками.

Список литературы

1. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 22.
2. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 24.
3. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 52.
4. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 58.
5. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 70.
6. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 86.
7. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 91.
8. ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 2. Д. 106.
9. ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 28.
10. ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 29.
11. ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 41.
12. ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1. Д. 47.
13. *Ефимов А. Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М. : АЙРИС-пресс, 2008.
14. *Дмитриев П. Н., Куликов К. И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск : Удмуртия, 1992.
15. *Коробейников А. В.* Ижевско-Воткинское восстание: правота побежденных. Ижевск : ИДНАКАР, 2018.

Anti-Bolshevist uprising of workers in Izhevsk August 8, 1918

V. A. Zakharov

member of the Udmurt regional branch of the Russian society of historians and archivists.
Russia, Izhevsk. E-mail: vasilyZx@yandex.ru

Abstract. This article is an attempt to restore as much detail as possible the course of events of the anti-Soviet uprising of the «Union of veterans» in Izhevsk on August 8–9, 1918, which served as the beginning of the Izhevsk-Votkinsk rebellion. Despite the fact that these events were the largest armed statement of workers against the Soviet government, they are still poorly studied by historical science and contain many «white spots», which in turn creates favorable conditions for various speculations on this topic. In addition to the reconstruction of the events of August 8, 1918 this article analyzes the reasons for the defeat of the supporters of the Soviet power, based on the balance of power and the location of the parties, as well as the possibility of a positive outcome for them itself. The article is made on the basis of archival materials of Center of Documentation of the Newest History of Udmurt Republic (memories of participants of events).

Keywords: Izhevsk-Votkinsk rebellion, «Union of veterans», 1918, anti-Soviet uprising, the Ural workers, Kama region, the Eastern front, the uprising of the workers.

References

1. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 22.
2. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 24.
3. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 52.
4. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 58.
5. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 70.
6. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 86.
7. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 91.
8. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 352. Inv. 2. File 106.
9. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 369. Inv. 1. File 28.
10. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 369. Inv. 1. File 29.
11. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 369. Inv. 1. File 41.
12. Documentation center of the modern history of the Udmurt Republic. F. 369. Inv. 1. File 47.
13. *Efimov A. G.* *Izhevcy i votkincy. Bor'ba s bol'shevikami 1918–1920* [Citizen of Izhevsk and Votkinsk. The fight against the Bolsheviks in 1918–1920]. M. IRIS-press. 2008.
14. *Dmitriev P. N., Kulikov K. I.* *Myatezh v Izhevsko-Votkinskom rajon* [Mutiny in the Izhevsk-Votkinsk area]. Izhevsk. Udmurtia. 1992.
15. *Korobeynikov A. V.* *Izhevsko-Votkinskoe vosstanie: pravota pobezhdennyh* [The Izhevsk-Votkinsk uprising: the right of the vanquished]. Izhevsk. IDNAKAR. 2018.